

ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЛУКЬЯНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)
lukadmiv@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОГНИТИВИЗМ: О ФЕНОМЕНОЛОГИИ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ

А н н о т а ц и я . Социокультурный и эпистемологический статус профессионального сообщества современных российских историков, социальные функции самой исторической науки, исторического знания и познания, возможности обновления исследовательских стратегий и научных поисков вызывают споры и дискуссии в отечественной историографии, когда ученые начинают размышлять о доминирующих парадигмах развития их знания, методологической и теоретической оснастке их науки, возможностях, перспективах и значимости историко-философского знания. На фоне эпистемологической неопределенности постпостмодерна, фрагментированности исторического знания и познания в статье обсуждаются вопросы теории и методологии когнитивной истории (как возможности «строгой науки») и эпистемологические характеристики феноменологической парадигмы современного источниковедения (как новой «дисциплинарной онтологии»), обозначенные и обоснованные в трудах О. М. Медушевской и М. Ф. Румянцевой. Обращено внимание на то, что историографический факт появления теории и методологии исторического когнитивизма является конгениальным свидетельством «конца истории» исторической феноменологии прежней советской историографии.
К л ю ч е в ы е с л о в а : когнитивная история, парадигма истории, историческая эпистемология, ренарративизм, профессиональное сообщество

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лукьянов Д. В. Исторический когнитивизм: о феноменологии когнитивной истории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 83–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.873

ВВЕДЕНИЕ

Процесс формирования «неоклассической» парадигмы исторического знания как актуального в плане выстраивания соответствующей ей в науковедческом плане «феноменологической парадигмы источниковедения» в XXI веке – базовое положение, которое обосновывает в своей статье М. Ф. Румянцева [16], заслуживает того, чтобы вернуться к ряду остающихся до сих пор спорными вопросов и проблем состояния и развития современной исторической эпистемологии. Первое – это извечная проблематика и сложность применения в целом парадигмального измерения социального и гуманитарного знания, конкретнее, размышления о «структурах» и «событиях» научных революций применительно к динамике изменения исторического знания, спор и сама корректность постановки вопроса о том, «сколько парадигм», и вообще уместность этого направления размышлений ученых-историков [13]. Второе – это способы (само)описания в современной историографии и вопросы типа «как мы пишем?», «для кого?», «роль исследова-

тельского я» в процессе создания исторического произведения, которые задают нарративное измерение исторического, пошатнувшееся в XX веке вследствие выхода из состояния постмодерна в транзитивную гетерогенность, неопределенность, фрагментированность и т. д. философии истории after-постмодерна [2]. Третье – поиск когерентной интеллектуальной площадки (оставшейся? существующей?) для выработки / поиска приемлемых очертаний «эпистемологии неопределенности» исторического. Четвертое, немаловажное: ответ на звучащий почти ностальгически вопрос – не «Кому ты опасен, историк?», как в советское время, а «Кому ты интересен, историк?»: социокультурное измерение исторического и размышления о соответствующих функциях исторического познания в изменившихся условиях «текущей современности» мира XXI века. И, наконец, на мой взгляд, определяющее – в разговоре о существовании и различии в современной историографии разнообразных школ, направлений, течений и парадигм стоит задаться вопросом о самом статусе «профессионального

научного сообщества» в России, способах его воспроизводства и базовом «целесообразии» его познавательных практик в выстраивании собственного «горизонта ожиданий».

Эти положения, на мой взгляд, нетривиальны в контексте высказанных тезисов М. Ф. Румянцевой, поскольку поставленные ею вопросы вызывают живой интерес и рождают многие сомнения и надежды в плане размышлений о современной исторической науке в стране.

КОГНИТИВИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Мне приходилось неоднократно писать о концепции когнитивной истории О. М. Медушевской [9], [11], [12], поэтому, наверное, нет смысла здесь подробно останавливаться на том, что было написано, как мне представляется, с максимальной учтивостью и исполненным вниманием на соблюдение максимума академичности, я старался реализовать в данных публикациях по возможности аутентичный и когерентный обзор базовых идей в работах уважаемого профессора. Между тем мы обсуждаем не человека-ученого, чей вклад в науку безусловно признан и оценен, мы говорим об идеях, которые высказала О. М. Медушевская [14], чьи ученики и, повторюсь, протагонисты продолжают отстаивать и активно развивать.

Вопросы о применимости к современной исторической науке теории и методологии когнитивизма вполне различимы в контексте того, что обычно называется *концом советской историографии*. М. Ф. Румянцева пишет об идеологичности советской историографии. В этом общем положении и взгляде слышится намеренная ирония о том, что никто в этом уже не может сомневаться, и данная позиция мне в целом понятна. Хотя в политико-идеологическом и эпистемологическом аспектах выстраиваемого проекта советской историографии остается много «темных мест» и не потерявших свою актуальность интеллектуальных наработок [10]. Однако в рамках предлагаемой дискуссии нас интересуют вопросы, прежде всего связанные с тем, что представляют из себя когнитивная история и феноменологический подход к истории.

На данный момент отечественная историография не доказала со всей очевидностью пригодность данного метода применительно к истории, если не брать избыточность вдумчивых промыслительных экспозиций с почтовым ящиком Э. Гуссерля и его глубоким молчанием.

Термин *когнитивность* и современное понимание того, что представляет из себя историческая феноменология в плане выбора соответствующего предметного поля научной истории,

вызывают неоднозначные споры и довольно критические отклики [6]. И если научная идеология советской историографии покоилась на более или менее прозрачно понимаемых принципах, типа принципа партийности, историзма, объективности, истины и т. д., в отношении феноменологического подхода такого сказать нельзя или такие попытки выглядят весьма затруднительными. Науковеды уже давно сделали вывод, что

«современный когнитивизм решительно переходит на позиции историзма в трактовке познания, признания и исследования эволюционно-исторической динамики познавательных структур, возникновения и смены парадигм, существования различных исторических типов когнитивности, в том числе научной и вообще рациональной когнитивности» [15].

Вариативность научного знания, наличие одновременно множества когнитивных структур и типов научно-познавательной деятельности делают все более необходимым обращение представителей различных научных сообществ к выработке историографических оснований и принципов изучения результатов развития теорий и практик их дисциплин.

В отношении к активному присвоению и апроприации когнитивизмом современного исторического (и не только) познания скрывается или чувствуется и известная тавтология: когнитивная история была всегда, по крайней мере, когда она становилась наукой. Отношение к познанию было предзадано ей вначале позитивизмом, а потом последующим развитием науковедения и его активного влияния на историю историографии (в особенности к 1980-м годам в советское время в дискуссиях М. В. Нечкиной, А. М. Сахарова и других). Однако история перестала, как в XIX веке, быть простым изложением фактов, она стала историографией, и, более того, сегодня мы говорим о перспективах источникововедения историографии.

С большой долей определенности это вопрос, который сформулирован М. Ф. Румянцевой в обсуждении перспектив и стратегий ренарративизма. На мой взгляд, это демарш в постмодернистском смысле, поскольку метанарратив никто и не уничтожал. Метанарратив всегда играл роль интеллектуальной «биржи», в которой ставки в определенный период стали не очевидны, но никто не отказался от «валюты» источников и «игр» на рынке производства своих произведений, за которыми историки и не собирались терять свою идентичность.

Все и сейчас продолжают «играть» и воспроизводить «конфликты интерпретаций», только теперь это уже «биржа» источникововедения,

поскольку выработанные в 1962 году М. В. Нечкиной по итогам дискуссии о периодизации советской историографии базовые и определяющие научные критерии в 1990-х годах стали отходить в сторону: теория исторического процесса, научные методы, предпосылочный идеологический характер изучаемых проблем, да и сам институциональный принцип были нивелированы и подверглись релятивизации. На чем остается стоять современная историческая наука? Естественно, на источниках и источниковедении и их интерпретации и переинтерпретации. Поэтому во многом и становится понятен общий когнитивный тренд О. М. Медушевской: она пересоздает или заканчивает, возможно, желая сохранить то, что называлось строгой наукой, причем преимущественно наукой советской и во многом «неклассической» именно благодаря профессиональной деятельности О. М. Медушевской. Не будет, наверное, преувеличением сказать, что ее последний труд и наметившийся когнитивный поворот исторической науки и устремленность ее к неоклассике различные – это в совокупности гениальная кончина советской историографии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Однако еще несколько замечаний, которые вызваны вопросами, прозвучавшими в статье М. Ф. Румянцевой. Позволю изложить их в порядке тезисов-ответов, прояснив содержательные моменты дискуссии.

1. Нет никакой «неоклассики». С. В. Степин [8], [17] писал про постнеклассику применительно к анализу естественно-научного мышления, что и Т. Кун [7]. Т. Кун затем уточнил в последующих после своего бестселлера работах, что «дисциплинарная матрица» некоторым образом спасает от детерминации парадигм. Едва ли это было спасением от инвектив развития научного знания. Идея того, что научные сообщества развиваются вполне свободно и руководствуются только интеллектуальной конкуренцией, что принцип истины не является определяющим, а обусловленность конкуренцией формирует профиль науки, не спасли науку от *интровертности*. Вряд ли эту ситуацию стоит критиковать в контексте внимательного отношения к постоянному факту существования не(анти)науки. Но в гносеологическом плане стоит понять, что самореферентная наука никому не нужна и теряет свои социальные функции. И «орден меченосцев» (известная партийная метафора И. В. Сталина) актуален только для идеолого-политических построений. В определенной степени это можно применить и к источниковедению, на базе которого сейчас выстраивается но-

вая (ре)метанарративная идеология науки и привычная генерализация исторического познания.

2. Постмодернизм как «состояние» никогда не был «историографической ситуацией» (термин Л. Е. Кертмана). Он игнорировался как эпистемологический факт и только в момент своей эпифеноменальной «гибели» – перехода в after-(post)постмодерн стал заметен тем из гуманитариев, которые посчитали или допустили, что чуть ли не естественно-научные эксперименты в истории возможны по статусу на уровне возможностей интерпретаций. И. Н. Йонов в своей монографии, посвященной научному статусу глобальной истории, замечает, что, наверное, настал историографический момент для исторической науки, когда влияние постструктурализма и деконструктивизма можно осмыслить и историзировать, и это касается именно историков, в чьи интересы входят вопросы исторической эпистемологии (читай: современных источниковедов). Но пока это дело историков науки и философов. Хотелось бы попутно добавить, что глокализация, давно придуманная А. Робинсоном, с некоторых пор перестала объяснять сложность и разнообразие в современном мире. Какая-то часть этого сложносочиненного слова выходит на первое место и определяет сложившуюся мировую «повестку дня» – в зависимости от того, кто вы: сторонник неоглобалиста Клауса Шваба или приверженец теории локальных цивилизаций. В контексте событий последних десятилетий и популярности понимания гибридной, охватившего как политическое, культурное, так и научное пространства (понятие «гибридные медиа», например), наверное, на смену глокализации придет какая-нибудь «глобгибридизация» или «глобридизация», во всяком случае, мне кажется это более перспективным.

3. Историческая наука сегодня не может выстроить собственную генерализацию не иначе, как только на основании источниковедения. Это единственное, что у нее осталось, что незыблемо и нетленно. Феноменология стала универсальным методом социальных наук, что иногда вызывает скепсис критиков, как, например, метафора М. М. Кромма [6], что это похоже на склонность «бумажными ножницами резать бумагу», но несомненен факт того, что наука стоит на пути своего «раскрытия» на публику и, возможно, это движение приведет ее к обретению «целевой аудитории». На этом пути больше сомнений, нежели обретений, но это движение как «поисковая парадигма», на мой взгляд, весьма продуктивно.

4. Еще раз о парадигмах и научном сообществе [1], [3], [4], [5]. Традиционно в советской исторической науке парадигмами не мыслили развитие исторической мысли. Более тради-

ционным было (и продолжается сейчас) деление на школы, течения и направления (кстати, с подачи советского историка Е. В. Гутновой на одном из всероссийских совещаний обществоведов), они были значительно привычнее для понимания изменений в науке. Данная традиция была поддержана и в последующее время в профессиональной литературе. Другое дело – существование профессионального сообщества, когда мы говорим о феномене фрагментации знания и прочих явлениях транзитивности (неопределенности) познания. В этом смысле выскажу свое мнение, безусловно, основанное на изучении историографии: современное профессиональное сообщество в России сформировано компетентно и институционально только в рамках формализованных государственных структур и локальных институций, которые зачастую выстроены по принципу индивидуализирован-

ных интерналистских интересов, организованных по способу целеполагания и установлению выбранного «режима историчности» внутри определенной интеллектуальной общности. Таким образом, фрагментированность – это некий новый и набирающий популярность атрибут, характеризующий состояние современных профессиональных сообществ в мировой науке, и данную точку зрения обстоятельно обосновал в своей монографии шведский историк Р. Тоштендаль [18].

6 октября 2022 года в РГГУ прошла московская международная научная конференция «Беззаветное служение науке и образованию», приуроченная в 100-летнему юбилею со дня рождения О. М. Медушевской, которая еще раз доказала, что ее идеи и базовые научно-исторические положения по-прежнему нуждаются в широком обсуждении и прояснении учеными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов М. А. Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С. Б. Криху и О. В. Метели // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 55–63.
2. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Пер. с англ. М. А. Кукарцевой. М.: Канон+: Реабилитация, 2010. 400 с.
3. Исаев Д. П. К вопросу о парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // Новое прошлое / The new past. 2017. № 2. С. 92–104.
4. Крих С. Б., Метель О. В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.
5. Крих С. Б., Метель О. В. Снова о двух парадигмах: предварительный ответ М. А. Базанову // Историческая экспертиза. 2016. № 1 (6). С. 195–199.
6. Кромм М. М. «Зрячий миф», или Парадоксы «исторической феноменологии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/4/zryachij-mif-ili-paradoksy-istoricheskoy-fenomenologii.html> (дата обращения 12.12.2022).
7. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2015. 320 с.
8. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 351 с.
9. Лукьянов Д. В. Когнитивизм и историческое познание // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 34–43.
10. Лукьянов Д. В. Контингентные изменения структуры историографических революций // Мавродинские чтения – 2018: Всерос. науч. конф., посвящ 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский гос. ун-т, 29–31 октября 2018 г. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 564–568.
11. Лукьянов Д. В. «Когнитивное» источниковедение и историческое познание // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 октября 2015 г. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. С. 11–15.
12. Лукьянов Д. В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании // Будущее нашего прошлого. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2011. С. 179–193.
13. Лукьянов Д. В. «Структура» и «события» историографических революций // «Будущее нашего прошлого: новые подходы к интерпретации исторического знания». Москва, 13 декабря 2017. РГГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34993731> (дата обращения 12.12.2022).
14. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 358 с.
15. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 178–198.
16. Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. (В печати).
17. Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.
18. Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание / Пер с англ. А. Ю. Серegiной. М.: Новый Хронограф, 2014. 346 с.

Original article

Dmitry V. Lukyanov, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian
Federation)
lukadmiv@mail.ru

HISTORICAL COGNITIVISM: THE PHENOMENOLOGY OF COGNITIVE HISTORY

Abstract. The socio-cultural and epistemological status of the professional community of contemporary Russian historians, the social functions of historical science, historical knowledge, and cognition, as well as the possibilities of updating research strategies and scientific searches cause disputes and discussions in domestic historiography, when scholars start reflecting on the dominant paradigms of their knowledge development, the methodological and theoretical instruments of their science, and the possibilities, prospects, and significance of historical and philosophical knowledge. Amid the epistemological uncertainty of the post-postmodern era and fragmentation of historical knowledge and cognition, the article discusses the theory and methodology of cognitive history (as a possibility of “rigorous science”) and epistemological characteristics of the phenomenological paradigm of modern source studies (as a new “disciplinary ontology”), outlined and substantiated in the works of O. M. Medushevskaya and M. F. Romyantseva. Special attention is drawn to the idea that the mere historiographical fact of the emergence of the theory and methodology of historical cognitivism is the congenial evidence of the “end of history” of historical phenomenology of the previous Soviet historiography.

Keywords: cognitive history, paradigm of history, historical epistemology, renarrativism, professional community

Citation: Lukyanov, D. V. Historical cognitivism: the phenomenology of cognitive history. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):83–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.873

REFERENCES

1. Bazanov, M. A. Two “paradigms” and the subject field of historiographical research: belated response to S. B. Krikh and O. V. Metel'. *Historical Expertise*. 2015;2(3):55–63. (In Russ.)
2. Domanskaya, E. Philosophy of history after the postmodern. (M. A. Kukartseva, Transl.). Moscow, 2010. 400 p. (In Russ.)
3. Isaev, D. P. To the question on paradigms in historiography (for one discussion). *The New Past*. 2017;2:92–104. (In Russ.)
4. Krikh, S. B., Metel', O. V. Two paradigms in modern national historiography. *Voprosy Istorii*. 2014;1:159–166. (In Russ.)
5. Krikh, S. B., Metel', O. V. Once again about two paradigms: a preliminary answer to M. A. Bazanov. *Historical Expertise*. 2016;1(6):195–199. (In Russ.)
6. Kromm, M. M. “Sighted myth”, or Paradoxes of “historical phenomenology”. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/4/zryachij-mif-ili-paradoksy-istoricheskoi-fenomenologii.html> (accessed 12.12.2022). (In Russ.)
7. Kuhn, T. The structure of scientific revolutions. Moscow, 2015. 320 p. (In Russ.)
8. Lubsky, A. V. Alternative models of historical research. Moscow, 2005. 351 p. (In Russ.)
9. Lukyanov, D. V. Cognitivism and historical cognition. *Dialogue with Time*. 2013;44:34–43. (In Russ.)
10. Lukyanov, D. V. Contingent changes in the structure of historiographical revolutions. *Mavrodin Readings – 2018: All-Russian research conference dedicated to the 110th birth anniversary of Professor Vladimir Vasilyevich Mavrodin*. St. Petersburg, St. Petersburg State University, October 29–31, 2018. St. Petersburg, 2018. P. 564–568. (In Russ.)
11. Lukyanov, D. V. “Cognitive” source studies and historical cognition. *Current issues of source studies: Proceedings of the III international research and practice conference, Vitebsk, October 8–9, 2015*. Vitebsk, 2015. P. 11–15. (In Russ.)
12. Lukyanov, D. V. “Cognitive revolution” in modern historical cognition. *The future of our Past*. Moscow, 2011. P. 179–193. (In Russ.)
13. Lukyanov, D. V. “Structure” and “events” of historiographical revolutions. *The Future of Our Past: New Approaches to the Interpretation of Historical Knowledge*. Moscow, December 13, 2017. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34993731> (accessed 12.12.2022). (In Russ.)
14. Medushevskaya, O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
15. Rorty, R. The historiography of philosophy: four genres. *Jokhadze, I. D. The neopragmatism of Richard Rorty*. Moscow, 2001. P. 178–198. (In Russ.)
16. Romyantseva, M. F. Source studies in the structure of current historical culture: invitation to discussion. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2). (In Print). (In Russ.)
17. Stepin, V. S. Classics, non-classics, post-non-classics: criteria of distinction. *Post-non-classics: philosophy, science, culture*. St. Petersburg, 2009. P. 249–295. (In Russ.)
18. Torstendahl, R. Historian’s professionalism and historical knowledge. (A. Yu. Seregina, Transl.). Moscow, 2014. 346 p. (In Russ.)

Received: 9 January, 2023; accepted: 31 January, 2023